

Я.А. ЧИЖЕВСКИЙ*

**РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НЕОЛОГИЗМЫ
«АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ»
И «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА»¹**

Аннотация. Скоротечные изменения в военно-политической обстановке приводят к появлению в российском военно-политическом дискурсе неологизмов, сложно поддающихся концептуализации и операционализации. Беглый анализ дискурсивного поля, сложившегося в последнее время вокруг термина «гибридная война», позволяет сделать вывод о шаткости понятия вне его привязки к феномену асимметричных конфликтов. В статье автор определяет «асимметричный конфликт» как идеальный тип, что позволяет выстроить сетку понятий в целях дальнейшего изучения феномена «гибридных боевых действий», а также построения прогнозов относительно развития военно-политической обстановки.

Ключевые слова: асимметричный конфликт; гибридная война; гибридный конфликт; нелинейная война.

Y.A. Chizhevskiy

The development of military-political discourse: Introducing neologisms «asymmetric conflict» and «hybrid war»

Abstract. Rapid changes in political and military situation lead to evolvement of the Russian politico-military discourse. Coined definitions are difficult to conceptualize. Screening of the recent hybrid war discourse shows that the term can hardly be

* **Чижевский Ян Андреевич**, аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: chizhevskyyan@gmail.com.

Yan Chizhevskiy, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: chizhevskyyan@gmail.com

¹ Статья выполнена по гранту РФНФ N 15-37-01207/

defined without establishing the links to the well-studied phenomena, such as asymmetric conflict. This article provides a pure type definition to the asymmetric conflict, which allows to interlink the relevant terms aiming at further studying the phenomenon of hybrid warfare, as well as at providing the outlook for development of politico-military situation.

Keywords: asymmetric conflict; hybrid war; hybrid conflict; non-linear war.

Многие авторитетные зарубежные и отечественные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты будут оставаться ключевым аспектом политики государств [см.: Подберезкин, 2014, с. 124]. Конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Такие социальные факторы, как религия и технологии, оказывают все более значительное влияние на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, вследствие чего большинство вооруженных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа.

На сегодняшний день сформировалось несколько исследовательских групп по изучению международных отношений (далее – МО), социально-политических конфликтов, стратегического и геополитического планирования, которые по-разному представляют будущее вооруженных конфликтов. В меньшинстве остаются сторонники позиции, согласно которой напряженность в отношениях между Россией и Западом, процессы милитаризации и перевооружения стран Азии, религиозные и политические потрясения на Ближнем Востоке, распад и несостоятельность ряда Африканских государств приведут к новым конвенциональным конфликтам.

Большинство исследователей придерживаются противоположных взглядов: будущие войны – это войны нового поколения, так называемые «гибридные войны». Это понятие появилось в российском военно-политическом дискурсе в 2014 г. и было неоднозначно воспринято научным и экспертным сообществом [см.: Белозеров, Соловьев, 2015, с. 8]. Наиболее распространены три точки зрения: понятие введено западными военными теоретиками и политиками в пропагандистских целях для обвинения России в событиях, разворачивающихся на территории юго-востока Украины; понятие отражает реальный феномен современных военно-

политических отношений; понятие позволяет раскрыть существенно значимые связи современного военно-политического процесса.

Беглый анализ литературы, посвященной теме «гибридной войны», позволяет сделать вывод об отсутствии в российском военно-политическом дискурсе устойчивой когнитивной связи между «асимметричным конфликтом» и «гибридной войной». Целью данной статьи является описание соотношения этих понятий.

Теория асимметричных конфликтов пережила второй исторический подъем после трагедии 11 сентября 2001 г., когда к списку постмодернистских акторов геополитического действия стали относить террористические неправительственные организации (ТНПО). В сентябре 2001 г. президент США Дж. Буш-мл. в выступлении перед «Цитаделью» (корпусом кадетов) заявил, что вооруженные силы (далее – ВС) США должны стать достаточно гибкими в интеллектуальном плане для того, чтобы эффективно противостоять враждебным силам и быть готовыми ответить на новые вызовы. Он также отметил, что «военная культура США должна поощрять новое мышление, инновации и эксперименты» [Bush, 2001]. Спустя два года этот призыв был зафиксирован юридически. В опубликованном в апреле 2003 г. «Руководстве по планированию изменений» министр обороны США Дональд Рамсфельд писал: «Мы должны мыслить иначе и делать упор на силы и средства, способные быстро адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам. Мы должны изменить не только арсенал наших средств, мы должны изменить образ мысли, ход боевой подготовки, технику ведения боя» [Rumsfeld, 2003, p. 7].

«Асимметричные боевые действия» – многогранное понятие. На данный момент не существует единого общепринятого определения асимметричного конфликта [Geiß, Siegrist, 2011]. Еще несколько лет назад некоторые эксперты утверждали, что концепт асимметрии в МО «раскручен более, чем того требует здравый смысл» [Blank, 2003]. Наиболее часто этот термин употребляется в контексте несоразмерности военного и технологического потенциалов противников [Geiß, 2006]. Л.В. Дериглазова отмечает, что понятие асимметричного конфликта часто применяют для харак-

теристики отношений между несопоставимыми по силе и статусу противниками [Дериглазова, 2005]. Автор подчеркивает парадоксальный характер отношений противоборствующих сторон, когда более слабый противник способен нанести серьезный ущерб и навязать свою волю более сильному. Вместе с тем слабому в военном отношении противнику редко когда удается одержать победу над сильной стороной (уничтожить или максимально ослабить ее). Л.В. Дериглазова подробно анализирует содержание понятия «асимметричный конфликт» в зарубежной (в частности, в американской) литературе, однако в монографии «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными» ей не удалось избежать сужения и приглушения собственных концептуальных выводов относительно сути изучаемого явления [Степанова, 2009, с. 170].

Ввиду этого полезным оказывается исследование Стокгольмского международного института исследования проблем мира «СИПРИ», результаты которого отражены в монографии Е.А. Степановой «Терроризм в асимметричном конфликте. Идеологические и структурные аспекты» в 2008 г. [Stepanova, 2008]. Автор высказывает сомнения в успешности контртеррористической деятельности как таковой, отмечая, что комбинация таких факторов, как религиозный экстремизм и сетевая структура террористических групп, делает террористов невосприимчивыми к традиционным способам ведения войны. Терроризм, по мнению Степановой, можно определить как разновидность тактики, используемой в локальных или региональных асимметричных вооруженных конфликтах [Stepanova, 2008, р. 8]. Данная тактика обязательно предполагает использование или угрозу использования одностороннего насилия в отношении некомбатантов в рамках асимметричной (непропорциональной) конфронтации. Согласно положениям доклада «СИПРИ», конфликт является асимметричным, если он отвечает трем критериям: террористы преследуют политические цели; мирные граждане являются объектами терактов; стороны конфликта обладают разным потенциалом и используют различные методы ведения войны. Последний критерий является ключевым, поскольку, как заключает автор, асимметричное насилие (включая террористические атаки) не является оружием слабых государств в войне против других слабых акторов или оружием сильных в отношении слабых [Stepanova, 2008, р. 12–14]. Асимметрия в вооруженных

конфликтах, по мнению автора, выражается не только в военных, технологических и экономических диспропорциях, но и в потенциалах, статусе и сопутствующих ресурсах противоборствующих сторон.

Подробный анализ отличий современных конфликтов от конвенциональных войн прошлого осуществил М. Гросс [см.: Gross, 2010]. Отличительной чертой последних двух десятилетий является рост числа асимметричных конфликтов, так называемых «новых войн» [см.: Kaldor, 2006, p. 3–16, 378–384]. По мнению Гросса, современные вооруженные конфликты отличаются от войн прошлого по трем аспектам. Во-первых, в современных конфликтах стирается различие между вооруженными силами и гражданским населением. Во-вторых, в современных конфликтах отсутствует моральное равенство воюющих сторон, когда противники придерживаются общих правил ведения войны. В-третьих, современные конфликты отличает использование запрещенных мер. Гросс приходит к выводу, что изменилась сама этика войны и на это есть две причины: в условиях современных асимметричных конфликтов противники не могут придерживаться «старых принципов ведения боевых действий», так как они не способны превозмогнуть и уничтожить противника; более слабый противник не может использовать методы ведения борьбы и боевые системы, аналогичные тем, которые использует сильный оппонент [Gross, 2010, p. 160].

Определение «асимметричности» по Гроссу фактически сводится к конфликту между сильным и слабым. Д. Статман, критикуя Гросса, пишет, что для констатации преимущества в силе необходим четкий критерий. «Аль-Каида» не имеет собственной армии, и потенциал этой организации формально нельзя сравнивать с потенциалом армии США [см.: Statman, 2012, p. 467–469]. Если же критерием силы является возможность нанесения противнику урона без значимых потерь, тогда, по мнению Статмана, можно констатировать превосходство «Аль-Каиды» над Соединенными Штатами.

Одним из основных исследовательских вопросов, которые ставят перед собой теоретики «войн четвертого поколения», является вопрос о том, почему в условиях асимметричных конфликтов более сильный соперник зачастую несет несоизмеримо большие потери или даже терпит поражение. Мак утверждает, что в условиях асимметричной войны относительная заинтересованность в

положительном исходе конфликта во многом объясняет успех или неудачу военной кампании [Mask, 1975]. Аргументация исследователя может быть сведена к трем основным тезисам: относительная мощь объясняет степень заинтересованности в исходе, относительная заинтересованность объясняет относительную политическую слабость (отсутствие консолидированной жесткой позиции по вопросу ведения военной кампании), относительная политическая слабость – причина поражения сильных государств. Демократические страны проигрывают «малые войны», поскольку не способны на протяжении долгого времени склонять общественное мнение к ведению войны. Увеличение военных расходов, человеческие жертвы и материальные затраты постепенно приводят к тому, что война утрачивает свою легитимность и рациональную обоснованность в глазах народа.

Определенного прорыва в изучении асимметричных конфликтов добился И. Арреган-Тофт [Arreguin-Toft, 2001]. Исследователь выдвигает иную гипотезу о причине побед или поражений сильных и слабых противников в асимметричных конфликтах. Исследователь классифицирует «стратегии» участников асимметричного конфликта по единственному основанию: конвенционности (конвенциональности). Таким образом, у каждой стороны есть две альтернативные стратегии. Наступающая сторона (сильный противник) выбирает между прямым наступлением и так называемым варварством (намеренное и систематическое нанесение вреда гражданскому населению для того, чтобы сломить волю противника). Обороняющаяся сторона (слабый противник) выбирает между прямой обороной и диверсионно-террористической войной (далее – ДТВ). Арреган-Тофт исходит из тех же предпосылок, что и К. Вальц, который писал, что судьба каждой страны зависит от того, как эта страна реагирует на действия других [Waltz, 1979, p. 127]. Результат боевых действий, по Аррегану-Тофту, определяется стратегическим выбором противников: при «симметричных» стратегиях побеждает сильный противник, в случае «асимметричного выбора» победу одерживает слабый (табл. 1).

Таблица 1

**Ожидаемые эффекты влияния стратегического взаимодействия на исход конфликтов
(ожидаемые победители отражены в ячейках матрицы)**

		Стратегия слабого противника	
		Конвенциональная стратегия (прямая оборона)	Неконвенциональная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенциональная стратегия (прямое наступление)	Сильный актер	Слабый актер
	Неконвенциональная стратегия («варварство»)	Слабый актер	Сильный актер

Источник: [Arreguin-Toft, 2001, p. 98].

Эмпирическое исследование, проведенное Арреганом-Тофтом, подтверждает справедливость его тезиса. Стратегическое взаимодействие при наличии двух альтернатив изучается в рамках теории игр и теории ходов. В таблице 2 представлена модель Аррегана-Тофта.

Таблица 2

Стратегическое взаимодействие в условиях асимметричного конфликта (аппарат теории игр)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенциональная стратегия (прямая оборона)	Неконвенциональная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенциональная стратегия (прямое наступление)	$(X_1 ; -X_1)$	$(-X_2 ; X_2)$
	Неконвенциональная стратегия («варварство»)	$(-X_2 ; X_2)$	$(X_1 - \alpha ; -X_1 - \beta)$

Источник: составлено автором.

При выборе обеими сторонами конвенционной стратегии выигрыш сильной стороны будет наибольшим: $(X_1; -X_1)$. Если обе стороны выберут неконвенциональную стратегию, выигрыш сильной стороны снизится, но ухудшится и положение слабого противника: $(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$. При выборе различных стратегий побеждает слабый противник, однако нельзя однозначно определить, какой исход для него более предпочтителен: $(-X_2; X_2)$ или $(-X_3; X_3)$. В соответствии с предпосылками теории игр выбор стратегии делается одновременно под «вуалью неведения». В реальной же ситуации противники могут осознать, какой именно стратегии придерживается противник и «адаптироваться» к ней. Такая ситуация может быть описана с помощью теории ходов (табл. 3, 4).

Таблица 3

**Стратегическое взаимодействие в условиях
асимметричного конфликта (аппарат теории ходов:
первый ход делает слабый противник)**

		Стратегия слабого противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия сильного противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(X_1; -X_1)$	$(-X_2; X_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(-X_2; X_2)$	$(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$
	Выбирать стратегию противника	$(X_1; -X_1)$	$(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(-X_3; X_3)$	$(-X_2; X_2)$

Источник: составлено автором.

Рациональным выбором сильного игрока будет выбор стратегии противника, что, по мнению Арреган-Тофта, обеспечит ему победу в войне: $(X_1; -X_1)$ или $(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$.

Таблица 4

**Стратегическое взаимодействие в условиях
асимметричного конфликта (аппарат теории ходов:
первый ход делает сильный противник)**

		Стратегия сильного противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия слабого противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(-X_1; X_1)$	$(X_2; -X_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(X_2; -X_2)$	$(-X_1 - \beta; X_1 - \alpha)$
	Выбирать стратегию противника	$(-X_1; X_1)$	$(-X_1 - \beta; X_1 - \alpha)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(X_2; -X_2)$	$(X_2; -X_2)$

Источник: составлено автором.

Рациональным выбором слабого игрока станет выбор стратегии, отличной от стратегии противника, что, как считает И. Арреган-Тофт, должно принести ему гарантированную победу: $(X_2; -X_2)$ или $(X_2; -X_2)$.

Основываясь на анализе экспертных мнений, автор предложил несколько концептуальных оснований определения асимметрии в контексте изучения современных конфликтов: асимметрия военно-политических потенциалов противников (регулярные / иррегулярные войска, иерархическая / сетевая организационная структура, ресурсообеспеченность и т.д.); асимметрия характера боевых действий (одна сторона избирает конвенциональную стратегию, другая – неконвенциональную); асимметричные боевые действия как синоним диверсионно-террористической тактики или «варварства» (уничтожение мирного населения, разрушение объектов гражданской инфраструктуры, применение оружия массового уничтожения и т.п.); асимметрия целей, преследуемых сторонами (затягивание конфликта / наращивание темпа военной операции с целью скорейшего выполнения боевых задач). Таким образом, асимметричный конфликт можно определить как идеальный тип, который в военно-политическом дискурсе является «крайним случаем» и

контекстным антонимом «конвенционального конфликта». Такая трактовка позволяет очертить значительную часть спектра конфликтов по оси «конвенциональный конфликт – асимметричный конфликт», где последний определяется наличием всех указанных выше признаков асимметрии, а первый – их отсутствием.

Асимметричный конфликт – разновидность (частный случай) вооруженного конфликта, предполагающая непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный современной военно-политической ситуации, в условиях которой:

1) слабая сторона стремится придерживаться стратегии, отличной от стратегии сильного противника, чаще всего использует нетрадиционные методы ведения войны с целью нанесения материального и психологического ущерба и достижения политической победы, что предполагает навязывание более сильному противнику невыгодной модели протекания конфликта, «растягивания» его временны́х рамок;

2) сильная сторона в условиях ассиметричного противостояния сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП, давлением со стороны мирового сообщества, внутриполитического сообщества и СМИ, невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.

По мнению отдельных исследователей, теоретические дебаты о «конвенциональных» и «асимметричных» конфликтах привели к возникновению ложной дихотомии, что значительным образом отдаляет теоретические модели настоящей и будущей войны от реальности. В действительности в XXI в. боевые действия часто имеют черты как конвенциональных, так и асимметричных конфликтов [см.: Reeves, Barnsby, 2013], что позволяет назвать такие конфликты «гибридными», т.е. в широком смысле – смешанными. Термин «гибридные боевые действия» был введен в 2002 г. майором У.Дж. Неметом в диссертационном исследовании «Будущие войны и Чечня: пример гибридных боевых действий» [Nemeth, 2002]. Автор термина писал: «В будущем возникнет необходимость бороться с угрозами асимметричных гибридных боевых действий. Необходимо помнить о том, что современные виды диверсионно-террористических тактик, будучи продолжением методов ведения войны до-государственными субъектами, становятся

все более эффективными благодаря новейшим технологиям и современным методам мобилизации» [Nemeth, 2002, p. 29].

Как отмечает Фрэнк Г. Хоффман, дихотомический выбор в условиях «черно-белой» бинарной системы упрощает планирование обороны и принятие решений о распределении ресурсов [Hoffman, 2009]. Аналитическая призма дихотомии в отличие от предложенной в данной статье понятийной оси не позволяет использовать наработанные аналитические схемы для построения прогнозов развития военно-политической обстановки и для выработки соответствующих рекомендаций.

На начало 2016 г. в российском политическом дискурсе прочно укрепился термин «гибридная война», а не «гибридное противостояние» или «гибридный конфликт». При этом понятие гибридной войны имеет весьма размытые рамки и остается неоперационализированным. Так, например, одна из трактовок, получившая наибольшее распространение на Западе в контексте конфликта на юга-востоке Украины и активно обсуждаемая в России [Захаров, 2014], значительным образом сужает данное понятие. Франк Ван Каппен, бывший советник НАТО, предлагает следующую дефиницию: «Гибридная война – это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство... совершает сделку с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается... Всю грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [Захаров, 2014]. Данное определение низводит комплексность понятия «гибридная война» до одной из ее вариаций, а именно – *опосредованной войны*.

Похожее определение гибридной войны было предложено заместителем генерального секретаря НАТО А. Вершбоу. Гибридная война – это сочетание военной угрозы, скрытой интервенции, тайной поставки оружия и систем вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляция в средствах массовой информации с прямой дезинформацией [Vershbow, 2015].

А. Рац в докладе «Гибридная война России на Украине: лишая противника возможности оказывать сопротивление» выводит понятие «гибридная война» на более высокий уровень. По его мнению, гибридная война – это комплекс мер военного и невоенного характера с применением дипломатических, экономических,

политических, социальных, информационных и военных средств [Racz, 2015, p. 87]. П. Топычканов справедливо критикует такую трактовку, отмечая размытость определения и отсутствие концептуальных признаков, однако не предлагает альтернативы [Топычканов, 2015].

А.И. Неклесса считает, что природа феномена гибридной войны, в основе которого лежит «глобальная трансформация институтов общества “индустриального” при транзите к “постиндустриальному”», комплексна и сложна. По мнению ученого, гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкуче с разнообразными инструментами, расширяющими возможности конвенциональной политики и применяемыми с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника [Неклесса, 2015].

Во избежание методологической путаницы необходимо развести понятия «гибридная война» и «гибридный конфликт». Термин «гибридная война» подходит для описания совокупности информационных, политико-экономических и дипломатических усилий на стратегическом уровне взаимодействия противников. Во-первых, в рамках проблемного поля гибридной войны в международном и отечественном военно-политическом дискурсе колоссальное внимание уделяется императиву интеллекта, который воплощается в использовании в кибер- и информационной войне высокотехнологических систем [Неклесса, 2015]. В. Овчинский, Е. Ларина предлагают использовать для этого термин «многомерные нелинейные войны» [Ларина, Овчинский, 2015] – как один из синонимов «гибридных войн». Во-вторых, в контексте гибридной войны как системы военно-политических отношений огромное значение приобретают дипломатические усилия сторон. Понятие же «гибридный конфликт» имеет гораздо более узкое значение и позволяет описать «смешанные» боевые действия противников, проводимые на оперативно-тактическом уровне и имеющие признаки как асимметричных, так и конвенциональных конфликтов.

Таким образом, по мнению автора, концептуальным основанием для конкретного содержательного определения феноменов гибридного конфликта и гибридной войны служит система координат, в которой горизонтальная ось «конвенциональный кон-

фликт – асимметричный конфликт» пересекается с вертикальной осью, характеризующей уровни взаимодействия противников (рис. 1).

Рис. 1.

Когнитивная схема понятий: гибридный конфликт, гибридная война

В современном российском военно-политическом дискурсе отсутствует консенсус в отношении таких понятий, как асимметричный конфликт, конвенциональный конфликт, гибридная война, гибридный конфликт, опосредованная война, а также ряда других понятий, не рассмотренных в рамках данной статьи (сетевая война [Подберезкин, Харкевич, 2015], комбинированная война [Hoffman, 2009], информационная война и т.д.). По мнению автора, идеальный тип «асимметричный конфликт», описанный в рамках статьи, является эффективным инструментом для определения понятия «гибридный конфликт». Предложенная трактовка позволяет не только развести термины «гибридная война» и «гибридный конфликт», но и использовать в дальнейшем наработанные аналитические инструменты в целях военно-политического анализа и прогнозирования развития военно-политической обстановки в ходе гибридных боевых действий.

Список литературы

- Белозёров В.К., Соловьёв А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть*. – М., 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2949> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Дериглазова Л.* Парадокс асимметрии в международном конфликте // *Международные процессы*. – М., 2005. – Т. 3, № 3(9). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineth/007.htm> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Захаров М.* «Гибридная война» в степях Украины: Кто сделал первый выстрел? // *Мир и политика*. – М., 2014. – 21 мая. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Ларина Е., Овчинский В.* Пятое измерение войны // *ЗАВТРА*. – М., 2013. – 2 декабря. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/pyatoe-izmerenie-vojny> (Дата посещения: 30.04.2015.)
- Некlessа А.И.* 10 тезисов о гибридной войне // *ИНТЕЛПРОС*. – М., 2015 – Сентябрь. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/27726-12-tezisev-o-gibridnoy-vojne.html (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 581 с.
- Степанова Е.* Асимметричный конфликт как нематематическая категория // *Индекс безопасности*. – Т. 17, № 2(97). – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406429690.pdf> (Дата посещения: 20.02.2015.)
- Топычканов П.* «Гибридная война» – научный термин или пропагандистский штамп? // *РСМД*. – М., 2015. – 20 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6340#top-content (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Arreguin-Tofi I.* How the Weak Win Wars // *International security*. – Cambridge, 2001. – Vol. 26, N 1. – P. 98–102.
- Blank S.J.* Rethinking asymmetric threats. U.S. Army war college // *Strategic studies institute*. – Carlisle, 2003. – Mode of access: <http://www.comw.org/rma/fulltext/0309blank.pdf> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Bush G.W.* Address to the corps of cadets. – The South Carolina, 2001. – 11 December. – Mode of access: <http://www.citadel.edu/root/presbush01> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Geiß R.* Asymmetric conflict structures // *The international review of the red cross*. – Cambridge, 2006. – Vol. 88, N 864. – P. 757–777.
- Geiß R., Siegrist M.* Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities? // *The International review of the Red Cross*. – Cambridge, 2011. – Vol. 93. – N 881. – P. 11–46.
- Gross M.L.* Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 321 p.
- Hoffman F.G.* Hybrid threats: Reconceptualizing the evolving character of modern conflict // *Institute for national strategic studies (INSS)*. – Washington. – 2009. – April – 8 p. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=98862> (Дата посещения: 01.01.2016.)

- Kaldor M.* Old and new wars: Organized violence in a global era. – Cambridge: Polity, 2006. – 416 p.
- Mack A.* Why big nations lose small wars: The politics of asymmetric conflict // World politics. – Cambridge, 1975. – Vol. 27, N 2. – P. 175–200.
- Nemeth W.J.* Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare. Naval postgraduate school. – Monterey, 2002. – 100 p. – Mode of access: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/5865/02Jun_Nemeth.pdf?sequence=1 (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Off target: The conduct of the war and civilian casualties in Iraq // Human rights watch report. – N.Y., 2003. – 157 p.
- Racz A.* Russia's hybrid war in Ukraine breaking the enemy's ability to resist // FIIA Report 43. – Helsinki, 2015. – N 101. – Mode of access: <http://stratcomcoe.org/andras-racz-russias-hybrid-war-ukraine-breaking-enemys-ability-resist> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Reeves S.R., Barnsby M.R.E.* The new griffin of war // Harvard international review. – Cambridge, 2013. – Mode of access: <http://hir.harvard.edu/mobile-mightthe-new-griffin-of-war> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Rumsfeld D.H.* Transformation planning guidance. – Washington, DC: Department of defense, 2003. – Mode of access: <http://www.iwar.org.uk/rma/resources/transformation/elements-of-transformation.pdf> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Snyder G.H., Diesing P.* Conflict among nations: bargaining, decision making, and system structure in international crises. – Princeton: Princeton univ. press. – New Jersey, 1977. – 600 p.
- Statman D., Gross M.L.* Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict // Journal of moral philosophy. – Amsterdam, 2012. – Vol. 9, Issue 3. – P. 467–469.
- Stepanova E.* Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects // SIPRI research report. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – N 23. – Mode of access: http://academos.ro/sites/default/files/sipri_report_23_terrorism_in_asymmetrical_conflict_ideological_and_structural_aspects_0.pdf (Дата посещения: 20.02.2015.)
- Vershbow A.* Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary conference on CFSP/CSDP. – Riga, 2015. – 5 March. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117919.htm?selectedLocale=en (Дата посещения: 05.02.2015.)
- Waltz K.* Theory of international politics. – N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – 251 p.